

ЕсА А-16072

В. Ф. Чижь.

Психологія деревенской частушки.

8

Юрьевъ.
Типографія К. Матисена.
1915.

848. Est. A - 16072

В. Ф. Чижь.

Психологія деревенской частушки.

Юрьевъ.

Типографія К. Маттисена.

1915.

В. Ф. В.

Тарту Ülikooli Raamatukogu

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго
Университета“.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
28133596

Tartu Ülikooli Raamatukogu

У насъ не только мало интересуются частушкой, но даже многіе и не знаютъ, что такое собственно частушка. Какъ мало ею интересуются даже въ серьезной литературѣ, и какъ мало о ней знаютъ, можно судить по тому, что въ самомъ обширномъ Энциклопедическомъ словарѣ — Энциклопедическій Словарь; Брокгаузъ, Эфронъ — о ней даже не упоминается, хотя частушкѣ — ставной сѣти — посвящено 13 строкъ. Только въ дополнительномъ томѣ на стр. 865—866 отведено частушкѣ всего 9 строкъ: „Частушка — одинъ изъ новѣйшихъ типовъ народной пѣсни. Ея содержаніе берется изъ современной жизни; она состоитъ изъ короткихъ куплетовъ и короткихъ словъ. См. Д. Зеленинъ, Черты современнаго народнаго творчества по частушкамъ (Русскія Вѣд. 1903, № 8); Е. Линева, Живали народная пѣсня (Русск. Вѣд. 1903, № 35); О. Ч. (Русск. Богатство 1902, № 12). Очевидно, что Редакція этого Энциклопедическаго Словаря такъ мало интересовалась частушкой, придавала ей такое ничтожное значеніе, что ограничилось крайне короткимъ, неполнымъ и даже невѣрнымъ опредѣленіемъ. Можно-лишь удивляться совершенному незнанію частушки автора этой замѣтки, такъ какъ только совершеннымъ незнакомствомъ его съ частушкой можно объяснить его мнѣніе, что частушка состоитъ изъ „короткихъ словъ“. Тѣмъ-же объясняется его утвержденіе что частушка „одинъ изъ новѣйшихъ типовъ народной пѣсни“: Въ Пѣсенникѣ (Часть 3. 1788 г.) имѣется частушка:

Около бабушки хожу
И я рѣдечку прошу
Ахъ, какъ бабушка скупа
Ахъ, какъ рѣдечка горька.

Неполнота замѣтки сказывается и въ томъ, что не указано того извѣстнаго факта, что о частушкѣ писали Костомаровъ, Соболевскій, Успенскій, Баловъ. Также необходимо отмѣтить, что частушку едва-ли правильно считать пѣсней.

Незнакомство съ частушкой и отсутствіе интереса къ ней можно объяснить неимѣніемъ сборниковъ этой формы народнаго творчества. Только въ прошломъ году изданы прекрасные сборники частушекъ: Симаковъ, Сборникъ деревенскихъ частушекъ. 1913 г. (3341 частушки). Князевъ. Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской Губерніи 1913. (1621 частушки.) Особенную цѣнность имѣетъ сборникъ Симакова, какъ по большому числу собранныхъ частушекъ, такъ и потому что имъ собраны частушки въ Архангельской, Вологодской, Вятской, Олонецкой, Пермской, Костромской, Ярославской, Тверской, Псковской, Новгородской и Петроградской Губерніяхъ.

Къ сожалѣнію мало извѣстенъ сборникъ бѣлорусскихъ частушекъ: Бѣлорусскія пѣсни „частушки“, собранныя Н. Я. Никифоровскимъ. Вильна 1911. Сборникъ этотъ напечатанъ по распоряженію Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа, и содержитъ 2356 частушки; я не могъ его купить, и получилъ экземпляръ, благодаря любезности бывшаго Попечителя Виленскаго Учебнаго Округа А. А. Остроумова.

Частушки заслуживаютъ всесторонняго изученія; филологи, этнографы и психологи должны съ особымъ вниманіемъ отнестись къ этому проявленію духовной жизни нашего народа, тѣмъ болѣе, что изученіе частушекъ уясняетъ намъ наименѣе извѣстное, наименѣе понятное — именно жизнь нашей деревни. Къ сожалѣнію, нѣтъ сборниковъ городской частушки; съ еще большимъ сожалѣніемъ нужно примириться съ тѣмъ, что такихъ сборниковъ, по крайней мѣрѣ, общедоступныхъ и быть не можетъ, такъ какъ между городскими частушками, насколько извѣстно, не мало цензурныхъ.

Не думаю, чтобы по силамъ одному изслѣдователю было изучить, объяснить и характеризовать частушку во всѣхъ отношеніяхъ; я ограничусь лишь посильнымъ психологическимъ анализомъ частушки, чтобы, по имѣющемуся матеріалу, хотя нѣсколько освѣтить душевную жизнь народа, поскольку она проявляется въ частушкахъ. Частушка должна намъ помочь въ пониманіи народной души, потому что, какъ прекрасно сказалъ нашъ великій историкъ-психологъ Костомаровъ „Какимъ становится народъ, такова и его пѣсня; она неизмѣнно вѣрно отражаетъ его душу, и въ этомъ ея высокое достоинство“. Слѣдовательно изученіе частушки въ психологическомъ отношеніи въ высшей степени поучительно: она является отраженіемъ души народа; было бы не-

простительнымъ упущеніемъ не изучить это отраженіе недоступной нашему изслѣдованію, и потому намъ непонятной, души народа.

Чтеніе вышеназванныхъ сборниковъ убѣждаетъ, что всѣ безъ исключенія частушки созданы „молодой деревней“, уже совершенно забывшей о крѣпостномъ правѣ; положительно можно утверждать, что эти частушки созданы дѣтьми тѣхъ, которые уже не знали крѣпостнаго права; ни одного намека, ни одного воспоминанія о крѣпостномъ правѣ въ частушкахъ нѣтъ. Поэтому частушка является матерьяломъ для изученія душевной жизни молодого поколѣнія, а слѣдовательно и для пониманія будущаго нашего народа, а слѣдовательно и будущаго нашего отечества. Частушка — это дѣйствительно форма творчества, полюбившаяся молодому поколѣнію; эта именно та форма, которую онъ нашелъ наиболѣе удобной для высказыванія своихъ мыслей, своихъ переживаній. Конечно намъ извѣстны лишь немногія изъ созданныхъ и создаваемыхъ частушекъ; собирателей частушекъ пока немного, частушками мало интересуются. Мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить числа извѣстныхъ въ народѣ частушекъ, и едва ли я очень ошибаюсь, полагая что ихъ не менѣе чѣмъ въ десять разъ больше того матерьяла, который уже напечатанъ. Если мы примемъ во вниманіе, что далеко не всѣ созданныя частушки становятся извѣстными, становятся распространенными, то должны будемъ заключить, что число всѣхъ частушекъ по истинѣ громадно. Во первыхъ нѣкоторыя частушки быстро, такъ сказать, умираютъ, потому что, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, не нравятся, не находятъ отклика, очень субъективны, на много выше общаго пониманія и вкуса, или-же ниже ихъ. Во вторыхъ нѣкоторыя частушки скоро умираютъ, потому что созданы въ маленькихъ, отдаленныхъ деревняхъ, и потому не могли завоевать себѣ извѣстности и распространія. Такимъ образомъ извѣстныя намъ частушки суть тѣ частушки, которыя наиболѣе понравились большинству, лучше другихъ выражаютъ и мысли и настроенія народа. Понятно поэтому какую громадную цѣнность для психологіи народа имѣютъ частушки: это именно произведенія коллективнаго творчества, созданія молодой деревни, нашедшія одобреніе большинства, и нашедшія распространеніе, какъ самое вѣрное отраженіе народной души. Громадную цѣнность для уразумѣнія души народа, и притомъ его громаднаго большинства, имѣетъ частушка и потому, что эту форму творчества избралъ и разработалъ самъ народъ, совершенно самостоятельно, независимо отъ

какихъ либо вліяній, какихъ либо данныхъ ему образцовъ. Именно въ частушкѣ нѣтъ подражанія, нѣтъ заимствованія ни въ формѣ, ни въ содержаніи; никто не навязывалъ народу этой формы творчества; народъ самъ, намъ неизвѣстно почему, избралъ частушку для выраженія своихъ мыслей и настроеній, и почему то не воспользовался другими извѣстными ему формами. Мы даже не знаемъ исторіи распространенія частушки, не знаемъ исторіи ея развитія и разцвѣта; поэтому даже приблизительно не можемъ предвидѣть ея дальнѣйшей судьбы.

До сихъ поръ мы не знаемъ — почему частушка такъ полюбилась народу, почему онъ отдаетъ теперь предпочтеніе этой формѣ творчества¹⁾; это современное намъ явленіе въ жизни народа намъ совершенно непонятно. Конечно и самъ народъ не можетъ объяснить почему онъ выражаетъ свои мысли и переживанія именно въ частушкѣ, которая прежде была мало использованной формой народнаго творчества.

Конечно можно разсматривать разцвѣтъ частушки, какъ проявленіе упадка народнаго творчества, какъ явленіе отрицательное въ духовной жизни нашего народа. Дѣйствительно частушка, и по формѣ и по содержанію, уступаетъ и былинѣ, и пѣснѣ, и сказкѣ. Но такой взглядъ, мнѣ кажется, несовсѣмъ правильнымъ, и современную деревенскую частушку не слѣдуетъ сопоставлять съ лучшими произведеніями народнаго творчества. Во первыхъ, долго жили, сохранились и намъ извѣстны лучшія произведенія, т. е. созданныя гениальными творцами; конечно гениальныхъ творцовъ мало, и за нѣсколько вѣковъ во всей Россіи создано, поэтому нѣсколько дѣйствительно чудныхъ произведеній народнаго творчества; слабыя, не нашедшія отклика въ народной душѣ былины и пѣсни извѣстны лишь немногимъ любителямъ и знатокамъ народной поэзіи. Во вторыхъ, и на это необходимо обратить вниманіе, частушка создается молодежью, даже незрѣлой молодежью, а былины и пѣсни создавались и могутъ создаваться только людьми много пережившими, много передумавшими, много переживавшими.

1) Статья эта была уже написана, когда я имѣлъ возможность убѣдиться, насколько частушка нравится нашему народу: въ одномъ изъ лазаретовъ я давалъ раненымъ солдатамъ книги для чтенія, выбирая такія, чтеніе которыхъ, по моему мнѣнію, могли быть имъ интересно и полезно; только сборники Симакова и Князева имъ доставили большое удовольствіе; солдаты зачитывались частушками и очень благодарили за эти двѣ книги.

Народные поэты, также как и Гомеръ, старцы, и потому умудрены жизнью; частушку также нельзя сопоставлять и сравнивать съ чудными произведениями народнаго творчества, какъ юношескія произведенія Пушкина съ его бессмертною драмой — Борисъ Годуновъ или поэмой — Евгеній Онѣгинъ. Мы должны всегда имѣть въ виду, что частушки — это созданіе деревенской зеленой молодежи, имѣющія достоинства и недостатки юношескаго творчества. При такомъ пониманіи частушки можно отнестись къ ней съ должной справедливостью. Можно лишь радоваться, что именно въ послѣднія десятилѣтія деревенская молодежь приняла большее участіе въ народномъ творествѣ. Понятно, что зеленая деревенская молодежь полюбила частушку, нашла въ ней наиболѣе подходящую форму для выраженія того, что ей хочется высказать; ее безспорно, соблазняетъ легкость формы, въ которой она можетъ высказывать и свои короткія мысли, и свои неразвитыя жизненнымъ опытомъ и, увы, высшей культурой, переживанія. Частушку можетъ создать далеко не гениальный парень или дѣвушка, частушка можетъ понравиться и воплотить любую мысль, любое настроеніе. Естественно, что многимъ желательно дать въ принятой и легкой формѣ воплощеніе своимъ мыслямъ, многимъ хочется творить; эти созданія заурядныхъ авторовъ нравятся людямъ одинаковаго съ ними развитія, живущихъ въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ. Также вполне естественно, что народныя пѣсни, созданныя при другихъ условіяхъ, выражающія переживанія, недоступны зеленой молодежи, ей не интересны; она поэтому объ нихъ забываетъ, и можетъ быть, лишь немногія деревенскія дѣвушки, надѣленные поэтической душой, цѣнятъ наши чудныя народныя пѣсни. Условія жизни за послѣднія десятилѣтія рѣзко измѣнились, и среди народа вѣроятно, не больше, чѣмъ среди интеллигенціи, лицъ, способныхъ восхищаться истинно поэтическими произведениями. Я зналъ почтенныхъ людей, съ университетскимъ образованіемъ, не читавшихъ Фауста и Гамлета, имѣвшихъ лишь смутныхъ воспоминанія объ Иліадѣ, какъ о чемъ-то очень скучномъ. Было-бы странно, если-бы наша деревенская молодежь обладала-бы большей любовью къ высокому искусству чѣмъ интеллигенція, которую и дома и въ школѣ учатъ понимать лучшія произведенія поэтовъ.

Частушка уже потому должна вызывать симпатію, что ея широкое распространеніе указываетъ на напряженную духовную жизнь нашей деревенской молодежи: она самостоятельно, безъ

чьей-либо помощи, сумѣла найти наиболѣе подходящую форму своего творчества, создала множество частушекъ, въ которыхъ, какъ умѣла, высказала свои мысли и переживанія. Деревенская молодежь внесла свою долю въ общую сокровищницу народнаго творчества, и было-бы крайне несправедливо, принимая во вниманіе возрастъ творцовъ, степень ихъ развитія, требовать отъ нея больше, чѣмъ она дала. Конечно, можно сожалѣть, что школа и книги не привили въ нашей деревенской молодежи любви къ великимъ образцамъ нашей поэзіи. Полное безсиліе школы по отношенію къ нашей деревенской молодежи доказывается и языкомъ деревенской частушки; очевидно, что школа даже не приучила нашу деревенскую молодежь къ литературному языку, почему даже лингвистически деревенская частушка вполнѣ самобытное созданіе народа. Частушка подчеркиваетъ полную отчужденность интеллигенціи и школы отъ народа, и конечно не русскій народъ виноватъ въ томъ, что какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи меньше всего грамотныхъ между русскими¹⁾. Частушка доказываетъ, что наша деревенская молодежь стремится найти выходъ своей потребности въ духовной жизни, и вина въ отчужденности народа отъ интеллигенціи лежитъ всецѣло на послѣдней. Вполнѣ понятно, что наша интеллигенція не можетъ вліять на народъ, потому что она даже не знаетъ его духовной жизни, какъ-то доказываетъ замѣтка Энциклопедическаго Словаря Брокгаузъ-Эфрона о частушкѣ.

Изученіе деревенской частушки особенно важно, потому что она хотя нѣсколько уясняетъ намъ самое сокровенное, наименѣе изученное и понятное — душу русской крестьянской дѣвушки. Несомнѣнно, что ни народная поэзія, ни вообще памятники искусства, ни обычаи, ни юридическія воззрѣнія народа не могутъ намъ уяснить душу крестьянской дѣвушки, потому что въ созданіи ихъ она совершенно не участвовала, или почти не участвовала. Намъ ничего не извѣстно и томъ — какъ мыслить, какъ чувствуетъ, чего желаетъ и какъ осуществляетъ свои желанія въ наше время крестьянская дѣвушка. Понятно поэтому, какую громадную цѣнность имѣетъ деревенская частушка, какъ „человѣческій документъ“, объясняющій намъ психологію современной деревенской дѣвушки. Чтеніе частушекъ съ очевидностью убѣждаетъ, что большинство ихъ создано дѣвушкой; въ этомъ не можетъ сомнѣваться тотъ, кто прочелъ по крайней мѣрѣ 1000 ча-

1) Niederle, La Race Slave (traduit du Tchèque par Leger) p. 38.

штушекъ. Я не берусь опредѣлить съ точностью сколько именно частушекъ создано дѣвушкой, но полагаю, что около двухъ-третей напечатанныхъ деревенскихъ частушекъ создано или, по крайней мѣрѣ, передѣлано дѣвушкой. Собиратель и знатокъ частушекъ Князевъ даетъ слѣдующія цифры объ авторствѣ обоихъ половъ въ созданіи частушекъ; изъ 1621 изданныхъ имъ частушекъ создано дѣвушками 1205 частушки; создано парнями 354 частушки; „темныхъ“ частушекъ 62. „Темными“ частушками Князевъ называетъ тѣ, относительно которыхъ нельзя сказать окончательно — дѣвушкой онѣ созданы или парнемъ, въ виду отсутствія вариантовъ, или специальныхъ указаній на то даннаго варианта. Князевъ утверждаетъ, что главная роль въ творчествѣ молодой современной деревни принадлежитъ дѣвушкѣ. Вполнѣ понятно, что громадное большинство частушекъ, посвященныхъ любви, создано дѣвушкой; необходимо отмѣтить, что изъ 278 частушекъ, посвященныхъ радостямъ любви, создано дѣвушкой 210; создано парнемъ 60; „темныхъ“ 8; частушекъ, посвященныхъ любовнымъ мукамъ 84; изъ нихъ создано дѣвушкой 76; создано парнемъ 8, слѣдовательно менѣе 10%; нужно думать, что переживать любовныя муки парнямъ приходится относительно рѣже, чѣмъ радости любви; дѣвушки, наоборотъ, любовныя муки переживаютъ относительно чаще, чѣмъ радости любви. Не смотря на то, что солдатчина поражаетъ главнымъ образомъ парня, дѣвушку же ранить лишь рикошетомъ, наиболѣе заинтересована въ солдатчинѣ дѣвушка, что видно изъ того, что изъ 208 частушекъ посвященныхъ солдатской жизни создано парнемъ 102 частушки, и дѣвушкой 106. Князевъ утверждаетъ, что изъ 354 частушекъ, созданныхъ парнемъ и собранныхъ въ его книгѣ, дѣйствительно имъ создано 236 частушекъ, а 118 заимствовано имъ отъ дѣвушки. Такимъ образомъ изъ 1621 частушекъ создано дѣвушкой въ сущности 1385 частушекъ.

Слѣдовательно, если мы даже признаемъ вѣрными цифры, данныя Князевымъ, лишь по отношенію частушекъ Петроградской Губерніи, то все-же приблизительно тѣ-же отношенія необходимо допустить по отношенію къ деревенскимъ частушкамъ вообще; во всякомъ случаѣ, едва-ли изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ деревенскихъ частушекъ не менѣе двухъ третей ихъ создано дѣвушкой. Слѣдовательно деревенская частушка, пока единственный памятникъ творчества деревенской дѣвушки, единственный имѣющійся у насъ ключъ къ проникновенію въ совершенно неизслѣ-

дованную, въ совершенно намъ непонятную, психологію деревенской дѣвушки. Это обстоятельство обуславливаетъ высокую цѣнность для психолога, деревенской частушки, обязываетъ его изслѣдовать деревенскую частушку для уясненія душевной жизни современной деревенской дѣвушки. Само собою разумѣется, что психологическій анализъ деревенской частушки не можетъ уяснить намъ всей душевной жизни крестьянской дѣвушки, но мы должны, воспользоваться деревенской частушкой для уразумѣнія, по крайней мѣрѣ, того, что она можетъ намъ объяснить. Конечно не нужно говорить какъ важно понять, хотя отчасти, психологію деревенской дѣвушки для пониманія психологіи русскаго народа вообще. Какъ извѣстно до сихъ поръ не было даже попытокъ въ этомъ направленіи.

I.

Съ особымъ вниманіемъ слѣдуетъ отнести къ частушкамъ, посвященнымъ любви, во первыхъ потому, что въ творчествѣ молодыхъ людей эти частушки имѣютъ большое значеніе, и во вторыхъ потому, что душа, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего народа, яснѣе и полнѣе всего проявляется именно въ любви. Вполнѣ понятно громадное значеніе частушекъ, посвященныхъ любви, вполнѣ понятно, что именно этѣ частушки выливаются непосредственно изъ народной души, или говоря иначе, народъ въ этѣ частушки вкладываетъ всю свою душу. Во всей міровой поэзіи, какъ извѣстно, любви отведено самое большое, самое почетное мѣсто; изъ всѣхъ безсмертныхъ большихъ поэтическихъ произведеній только въ одномъ не говорится о любви — это Мертвыя Души. Такъ какъ частушки создаются молодежью, то изображенія любви въ ея безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ являются самымъ цѣннымъ матерьяломъ для изученія души народа. Изучая изображенія любви въ частушкахъ, мы проникаемъ въ сокровенные тайники народной души, постигаемъ самыя тонкія, наименѣе уловимыя оттѣнки духовной жизни народа. Fouilleé прекрасно формулировалъ эту общеизвѣстную истину: *Le vrai fond du caractère, pourrait on dire, s'est surtout notre manière d'aimer*¹⁾. Чтобы уразумѣть вполнѣ душу народа, а тѣмъ болѣе молодежи, необходимо знать какъ онъ любитъ, а на этотъ вопросъ могутъ намъ отвѣтить только частушки, посвященные любви.

1) *Temperament et Caractère. p. 104.*

Эти частушки заслуживаютъ преимущественнаго изученія и потому, что какъ удивительно вѣрно говоритъ Stendhal¹⁾ — авторъ лучшей, и даже единственной цѣнной книги о любви — „L'amour est le miracle de la civilisation“. Это чудо цивилизаціи, конечно, создавалось, развивалось, усложнялось и одухотворялось медленно, росло параллельно съ ростомъ цивилизаціи, и слѣдовательно степень совершенства цивилизаціи народа мы можемъ опредѣлить по тому, какъ, онъ любить, какое значеніе въ его жизни имѣетъ любовь, насколько духовна его любовь, или говоря иначе, насколько психологическій элементъ преобладаетъ въ его любви надъ физиологическимъ. Eine Natur, unfähig der Begeisterung, ist auch unfähig der Liebe²⁾ — это конечно вѣрно не только относительно индивидуума, но и пѣлаго народа. Понятно какъ важно, по возможности, разъяснить — насколько цивилизована наша деревенская молодежь, въ какомъ развитіи ея цивилизація, насколько эта цивилизація совершенна и симпатична. Какъ извѣстно этотъ столь важный вопросъ пока остается безъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, хотя сколько нибудь доказательнаго. Это вполне понятно, такъ какъ наблюдатели молодой деревни не могли проникнуть въ сокровенное народной души, ограничивались хотя и добросовѣстными, но отрывочными наблюденіями. Частушки даютъ намъ объясненіе, почему именно интеллигенція не можетъ понимать народа, почему интеллигенція какъ бы не существуетъ для народа. —

Наконецъ изученіе частушекъ посвященныхъ любви, заслуживаетъ вниманія и потому, что уясняютъ намъ насколько нашъ народъ проникнуть христіанствомъ, насколько христіанство проникло въ плоть и кровь нашего народа. Еще Лессингъ ясно указалъ, что любовь, въ современномъ ея пониманіи, возможна только у христіанъ, такъ какъ (онъ говоритъ о Вертерѣ): Solche klein-grosse, verächtlich-schätzbare Originale hervorzubringen war nur der christlichen Erziehung vorbehalten, die ein körperliches Bedürfniss so schön in eine geistige Vollkommenheit zu verwandeln weiss³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, насколько „христіанское воспитаніе“ переродило нашъ народъ, насколько правъ Достоевскій, учившій насъ, что нашъ народъ „богоносецъ“, что нашъ народъ самый христіанскій изъ всѣхъ народовъ; подтвердить еще разъ эту ис-

1) De l'amour p. 56.

2) Duboc. Psychologie der Liebe. s. 76.

3) Brief an Eschenburg. Octob. 1774.

тину — а для меня это непреложная истина — по меньшей мѣрѣ, интересно.

Вотъ основанія, почему частушки, посвященныя любви, наиболѣе интересны и заслуживаютъ тщательнаго изученія и болѣе подробнаго психологическаго анализа.

По этимъ частушкамъ мы можемъ прослѣдить начало, развитіе и исходъ любви въ нашей деревенской молодежи, можемъ понять насколько глубоко захватываетъ всю душу это душевное состояніе, насколько любовь скрашиваетъ тяжкую жизнь нашего народа. Такъ какъ частушка намъ объясняетъ любовь многихъ милліоновъ, то очевидно громадное значеніе частушки, очевидно насколько частушка важнѣе и цѣннѣе современныхъ повѣстей и романовъ, рисующихъ намъ любовь нѣкоторыхъ, немногочисленныхъ группъ общества.

Народъ оцѣнилъ великое значеніе любви въ его жизни, выразилъ какую огромную цѣну имѣеть это переживаніе:

Деньги дѣло наживное

По имъ нечего тужить

А любовь дѣло иное

Ею надо дорожить.

Такъ категорически опредѣливъ высокую цѣнность любви, частушка еще болѣе категорически, формулируетъ необходимость любви, высказываетъ призываніе къ людямъ неспособнымъ любить:

Кто любви не имѣеть

Тотъ проклятый человѣкъ.

Въ этомъ афоризмѣ высказана глубокая истина; дѣйствительно — неспособность любить доказываетъ или несовершенство душевной организаціи, недоразвитіе психическихъ силъ, или крайнее озвѣреніе, притупленіе психическихъ силъ, ослабленіе душевныхъ способностей.

Въ жизни деревенской молодежи лучшимъ періодомъ считается молодость, когда дружба и любовь скрашиваютъ жизнь; деревенская дѣвушка понимаетъ, что съ выходомъ замужъ приходится навсегда позабыть и о подругахъ и о поклонникахъ:

Прощай подружка моя мила

Прощай жизнь моя весела

Прощай родная сторона

Прощай веселая гульба!

Частушка разъясняетъ намъ какъ скромны запросы деревен-

ской дѣвушки, какъ она понимаетъ „веселую гульбу“. Очень мило дѣвушка описываетъ впечатлѣніе, которое на нее производитъ избранникъ ея чистаго сердца, ея переживанія при его посѣщеніи :

Онъ пришелъ да поздоровался
Я руку подала
Сама дѣвчека пристыдилась
На него глазъ не повела.

Любовь овладѣваетъ дѣвушкой ; ей пріятно общество милаго :

Половица лавки ниже
Подвигайся милый ближе
По тесовой лавочкѣ
Ко моей ко прялочкѣ.

Деревенская дѣвушка стыдлива, она уже опѣниваетъ какое глубокое, сокровенное чувство она переживаетъ, она хранитъ эту святыню отъ постороннихъ глазъ, а потому, хотя ей уже доставляетъ наслажденіе рѣчи милаго, она избѣгаетъ говорить съ нимъ при всѣхъ :

Не ходи миленокъ, садомъ
Не садись при мамѣ рядомъ
Сядь къ подружкѣ, не ко мнѣ
Подружка перескажетъ мнѣ.

Чтобы скрывать возникающую любовь, чтобы оградить отъ чужого любопытства сокровенныя, мало понятныя молодому сердцу, переживанія, влюбленныя наивно и мило хитрятъ :

Мы съ подружкой хитрыя
Хитры милые у насъ
Бывало сиживали четверо
Никто не видѣлъ насъ.

Едва-ли нужно прибавлять, что тѣ, кто довѣряетъ свои тайны такимъ-же влюбленнымъ, ясно сознаютъ, что ничего дурнаго онѣ не дѣлаютъ, онѣ только не хотятъ профанировать то, что для нихъ свято. Взаимная симпатія развивается, и потому высшимъ наслажденіемъ является бесѣда, духовное общеніе ; было-бы ошибкой думать, что у людей мало образованныхъ нѣтъ большаго запаса мыслей, и потому они не могутъ подолгу бесѣдовать между собою. Частушка намъ свидѣтельствуется, что влюбленные цѣлые ночи проводятъ въ бесѣдѣ, находятъ въ такомъ времяпровожденіи высшее наслажденіе :

Не смотрѣли мы съ забавой
 Что ненастная пора
 Точно голубки у дома
 Ворковали до утра.

Внѣшнія препятствія, запрещенія со стороны родителей уже безцѣльны; общество милого доставляетъ величайшее наслажденіе, которое и управляетъ волею; влюбленные не могутъ устоять противъ желанія быть вмѣстѣ:

Пусть что будетъ, то и будетъ
 А миленка не забудемъ
 Кажду ночьку напролетъ
 Сидимъ съ милымъ у воротъ.

Дѣвушка все болѣе и болѣе увлекается молодымъ человѣкомъ, сама боится своего увлеченія, боится той власти, противъ которой ей уже трудно бороться. Конечно, какъ и всегда и всюду, въ развитіи любви, въ началѣ ея, большое значеніе имѣетъ наружность

Говорила сколько разъ
 Не садись напротивъ насъ
 Твои сѣренькіе глазки
 Завлекательны гораздъ.

Красота усиливаетъ любовь, но не она опредѣляетъ выборъ; дѣвушка сознаетъ, что она уже любитъ, но красивая наружность ея милого усиливаетъ очарованіе, дѣлаетъ его еще привлекательнѣе:

Ваши черненькіе глазки
 Завлекательны гораздъ
 Вы зачѣмъ привيروжили
 Я и такъ любила васъ.

Естественно, что дѣвушка хочетъ быть привлекательнѣе, желаетъ намекнуть милому, что она хочетъ ему нравиться.

Купика-ка батюшка на платьѣ
 Голубова кумачу
 У цвѣтка така рубашка
 Подъ одинъ манерь хочу.

Дѣвушка радуется, когда она нравится, когда она производитъ впечатлѣніе; она начинаетъ сознавать свою силу, и ей доставляетъ удовольствіе сознаніе своего превосходства:

Мои глазки какъ алмазки
 Брови очень хороши

Кто ни взглянетъ — сердце свянетъ
Останется безъ души.

Естественно, что дѣвушка желаетъ убѣдиться въ любви своего поклонника, хочетъ испытать его любовь и проявить свою власть, силу своего обаянія. Частушки хорошо изображаютъ этотъ неизбѣжный фазисъ любви:

Ко мнѣ миленькій нейдетъ
Отъ меня приказу ждетъ
Я приказику не дамъ
Если любишь — приди самъ.

Тоже самое отношеніе, но въ болѣе грубой, хотя и наивной формѣ, выражено:

Ко мнѣ милый пробирается
Возлѣ стѣнъ обтирается
Будь доволенъ, милый тѣмъ
Что потерялся возлѣ стѣнъ.

Еще въ кодексѣ любви двѣнадцатаго вѣка, XX-ый тезисъ гласилъ: *Amorosus semper est timorosus*, а потому и деревенская дѣвушка боится признаться въ любви, не убѣдившись, что она уже любима:

Кабы знала совершенно
Что вы любите меня
Я бъ сказала откровенно
Дорогой люблю тебя.

Stendhal¹⁾ вторымъ моментомъ въ развитіи любви считаетъ: *On se dit: „quel plaisir de lui donner des baisers, d'en recevoir“*. Частушки подтверждаютъ справедливость этого наблюденія; много частушекъ посвящены поцѣлуямъ; въ нихъ выраженъ задоръ молодой любви; трудно рѣшиться на первый поцѣлуй, затѣмъ уже появляется желаніе поцѣлueвъ:

1) Op. cit p. 4. Вообще о всѣхъ сочиненіяхъ о любви, кромѣ книги Stendhal можно повторить сказанное Schopenhauer'омъ о его предшественникахъ, писавшихъ о любви (*Metaphysik der Liebe*). „weder zu benutzen noch zu widerlegen“. Какъ образчикъ того, какой вздоръ подъ видомъ философіи писалось о любви, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ Teichmüller'a. *Über das Wesen der Liebe*, 1879. Нужно согласиться съ Rosenthal'емъ въ его сужденіи (*Die Liebe*. s. 155) о книгѣ Teichmüllera; онъ называетъ эту книгу „Muster des blöden Dunkels“. Психологія любви совершенно не разработана, чѣмъ и объясняется успѣхъ „Muster des blöden Dunkels“.

Проводилъ милый до дому
Сказалъ — позволъ поцѣловать
Разъ пятнадцать побожился
Что никто не будетъ знать.

Цѣловаться не любила
Когда маленька была
Какъ побольше подросла
Въ цѣлованьи страсть нашла

Это откровенное признаніе дѣвушки подтверждается частушкой, сочиненной парнемъ :

У моей у Любушки
Призасохли губушки
Призасохли изъ за того
Что не цѣлованы давно

Неудовлетвореніе этой потребности вызываетъ неудовольствіе и даже насмѣшку надъ неловкимъ поклонникомъ :

Ахъ, какой большой, высокій
Только вѣники ломать
А молоденьку дѣвченку
Не сѣумѣлъ поцѣловать.

Нѣсколько груба, хотя и не лишена благодушенія, частушка :

Только стоило-бы милому
По харѣ надавать
Проводилъ меня до дому
Не сѣумѣлъ поцѣловать.

L'amour est le desir d'embrassements говоритъ Montegazza¹⁾, а потому и въ частушкахъ говорится объ объятіяхъ, высказывается желаніе быть обнятой.

Мой-то милый дуралей
Провожаетъ до сѣней
Праву ручку крѣпко жметъ
Никогда не обойметъ.

Очень скромно и мило выражено тоже желаніе :

Сегодня ночка холодна
Надѣвать нужно сочекъ

1) Physiologie de l'amour.

Навѣрно нечего надѣтца
На дролинъ пиджачекъ.

Однако нравы въ деревнѣ такъ строги, что возвращеніе до-
мой обнявшись, находить правда не строгое, но все-же, порицаніе.

Это дѣвушки не мода
Подъ полой ходить домой
Настоящая-то мода
Съ вечериночки — одной.

Частушка, конечно, не можетъ дать абсолютно точныхъ
свѣдѣній о строгости нравовъ современной деревни, но она сооб-
щаетъ намъ какъ смотритъ современная деревня на чистоту нра-
вовъ, сообщаетъ намъ, что думаетъ о чистотѣ нравовъ современ-
ная деревня, что она считаетъ дозволеннымъ и что нежелательнымъ :

Подговариваль милой
Молоденькую дѣвушку
Я опустила ясны очи
Во сыру земелюшку.

Деревенская дѣвушка стыдлива, но не наивна; она знаетъ,
что дозволено, и что запрещено, и потому ведетъ себя съ до-
стоинствомъ :

Дроличка не проводи
Про любовь не города
Знаю, што ты добиваешься
Но этова не жди.

Паденія бывають въ современной деревнѣ, какъ всюду и
всегда; дѣвушка сожалѣетъ о своемъ паденіи, парни смѣются
надъ такой дѣвушкой :

Что родители глядѣли
Какъ загуливала я
Теперь видно погибаетъ
Буйна голова моя

Какъ во нынѣшнемъ году
Милашка сдѣлала бѣду
Двадцать пятого числа
Милашка сына принесла.

Частушка хорошо объясняетъ намъ возрѣнія деревенской
молодежи на любовь; влюбленные считаютъ себя счастливыми,

когда видят другъ друга, вмѣстѣ работаютъ ; они счастливы и тѣмъ, что думаютъ о предметѣ своей любви :

Не любите дальнихъ милыхъ
 Дальній милый сухота
 Во своей деревнѣ миленькій
 Поглядочка своя.

Едва-ли нужно говорить, что въ этой хорошей частушкѣ проявлена трезвость и ясность русскаго ума. Очень хороша частушка нашей земледѣльческой деревни :

Люблю я въ томъ полѣ работать
 Гдѣ мой миленькій оретъ
 Мимо ходить, глазъ не сводить
 Божью помощь подаетъ.

Любовь наполняетъ душу, даетъ содержаніе душевной жизни, поднимаетъ настроеніе, создаетъ частушки, не лишеныя прелести, и даже поэтическія :

Есть отъ милаго колечко
 Поношу и положу
 Растоскуется сердечко
 На колечко погляжу.

Я тебя моя хороша
 Вспоминаю каждый часъ
 На часу двѣнадцать разъ.

Любовь создаетъ поэтическое настроеніе, какъ о томъ свидѣтельствуя частушки влюбленныхъ :

Хоть не вмѣстѣ мы съ тобой
 Часть души во мнѣ твоей

Милый мой, милый мой
 Милый нарѣченный
 Приходи меня жалѣть на зарѣ вечерней.

Это частушка весьма характерна для чисто русскаго пониманія любви (жалѣть), въ ней много теплоты и сердечности. Вообще частушки влюбленныхъ самыя лучшія ; онѣ содержательны, каждая передаетъ опредѣленное душевное настроеніе : —

Чернобровая бѣляночка
 Съ ума меня свела

Спать ложился, не молился
Все я думалъ про тебя.

Тоже настроеніе, но другими образами, передаетъ частушка :

Знаю сорокъ пѣсень я
Въ каждой пѣснѣ, въ каждомъ словѣ
Вась цвѣтокъ упомяну.

Радость при свиданіи влюбленныхъ составляетъ сюжетъ многихъ частушекъ.

Лучше нѣту тово цвѣту
Когда яблонька цвѣтеть
Лучше нѣту того времени
Когда миленькій придетъ

Полно бѣляночка хороша
Меня глазками ласкать
Твои очи въ темны ночи
Не даютъ покойно спать.

Также трогательно и образно въ частушкѣ выражена грусть, и даже скорбь при разлукѣ :

Много звѣздочекъ не небѣ
Полуночной звѣзды нѣтъ
Всѣ ребята на бесѣдѣ
Моего милаго нѣтъ.

Меня росой не нарумянить
И зарей не набѣлить
Красно солнышко не грѣеть
Свѣтлый день не веселить.

Въ частушкахъ видно стремленіе образно выразить свое душевное настроеніе ; правда не всегда имѣется гармонія :

Рано солнушко восходить
По небесной красотѣ
Я по ягоdkѣ страдаю
По его по красотѣ

Милый въ новомъ пиджакѣ
Самъ какъ ягодиночка
Занобилъ мое сердечко
Какъ на рѣчкѣ льдиночка.

Насколько хорошо начало первой частушки, настолько-же прекрасенъ конецъ второй; начало второй частушки по крайней мѣрѣ для нашего вкуса, дурно, но есть частушки несомнѣнно прекрасныя; на примѣръ частушка, описывающая горе дѣвушки при разлукѣ съ милымъ:

Проводила я пріятку
За чугунный литый мостъ
Отъ росы-ли тропка смокла
Отъ моихъ горючихъ слезъ.

Также прекрасна частушка влюбленнаго парня, счастливаго любовью къ нему его милой:

Одна звѣздочка сіяетъ
Въ небосклонѣ, въ высотѣ
Одна дѣвушка мечтаетъ
Обо мнѣ, объ сиротѣ.

Богатство образовъ частушки влюбленныхъ безспорно свидѣтельствуеетъ о поэтическомъ дарованіи нѣкоторыхъ творцовъ частушекъ:

Шура, аленькій цвѣтокъ
Шура, ягодка моя
Не съ росой-ли ты спустилась
Не во снѣ-ли вижу я?

Вмѣстѣ съ поэтическимъ подъемомъ, влюбленный остается прирожденнымъ земледѣльцемъ, даже въ любовныхъ порывахъ помнящемъ о главномъ содержаніи своей жизни:

Эта чья полоска съ краю
Низенькая жнивушка?
Эту кто полоску жаль?
Не моя-ли милушка?

Чтобы закончить поэтическія частушки влюбленныхъ, приведу еще одну частушку, полную нѣжности и героизма:

Не ходи милашка, тутъ
Ты утонешь: берегъ крутъ;
Ягодиночка, ты мой
Рада я тонуть съ тобой.

Деревенская дѣвушка ясно сознаетъ обязанности, возлагаемыя любовью, очень чутко понимаетъ, что она не должна дѣлать

того, что можетъ быть непріятно ея милому, хотя бы сами по себѣ эти поступки были и безразличны :

Поплясала-бы еще
Но болѣе не умѣю
Строго милый посмотриль
Я его не смѣю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвушка сознаетъ, что она лишь, по собственному желанію, не должна дѣлать то, что непріятно ея милому, что она свободна, что надъ ней милый не имѣетъ власти, а она сама добровольно подчиняется своему возлюбленному, противъ произвола котораго она должна бороться :

Что ты милый учиtaешь
Что за дѣло до меня
Я съ тобой не повѣнчалась
Я живу не у тебя.

Трезвый, ясный умъ русскаго народа проявляется, какъ то свидѣтельствуютъ частушки, въ его пониманіи смысла любви ; любовь должна вести къ браку, слѣдовательно умножать счастье жизни ; поэтому свободу своему сердцу можно давать лишь тогда, когда любовь можетъ закончиться бракомъ, слѣдовательно необходимо согласіе родителей на сближеніе :

Я сегодня у родителя
Стояла у колѣнъ
Чтобъ гулять позволилъ дѣвочкѣ
Съ которымъ не велить.

Однако не всегда побѣждаетъ голосъ благоразумія, не всѣ дѣлаютъ то, что слѣдуетъ ; одна изъ самыхъ скверныхъ частушекъ говоритъ о побѣдѣ чувства надъ разумомъ :

На родимую на мать
Все равно, что наплевать
Неужели изъ-за матери
Да дролю забывать.

Дѣвушка считаетъ, что любить можно лишь того, за кого можно выйти замужъ, считаетъ неразумнымъ увлеченіе парнемъ, выйти замужъ за котораго невозможно, упрекаетъ себѣ за такое увлеченіе и борется съ нимъ :

Я любила тебя дроля
Не для дружбы для одной

За тебя сбиралась замужь
Вѣрной быть тебѣ женой.

Сама знаю — не женихъ
Зачѣмъ и занимаюся
Посижу, поговорю
Послѣ сдурю каюся.

Также на любовь смотреть и парень; цѣль сближенія — это бракъ:

Хорошо траву косить
Котора сама косится
Хорошо милку любить
Котора замужь просится.

Трезвый умъ нашего народа хорошо отражается въ частушкѣ:

Не люби, парень, мѣщанку
Люби дѣвушку-крестьянку,
Вѣдь крестьянка жнетъ и косить
А мѣщанка чаю просить.

Мнѣ особенно нравится въ этой частушкѣ — сознание своего достоинства, пониманіе достоинства крестьянскаго труда.

Трезвый умъ нашего народа проявляется въ пониманіи необходимости разочарованій въ любви, разумномъ къ нимъ отношеніи:

Мало-ли случается
Любятъ, отступаются.

Не смотря на молодость создателей частушекъ, въ нихъ высказывается убѣжденіе въ непрочности любви; нашему народному духу чужды сентиментальность и романтизмъ; онъ вполне трезво смотритъ на любовь, мирится съ ея непрочностью, понимаетъ, что вѣчной любви быть не можетъ. Наша молодежь не обманываетъ себя даже въ чаду любви, и не прибѣгаетъ къ красивымъ фразамъ о вѣчности любви, о трагизмѣ разбитой любви и т. п. вздоръ:

Не найти такой березки
Чтобы дождикъ не полилъ
Не найти такого дружка
Чтобы во вѣки не забылъ.

Раньше рѣченька бѣжала
Нынче высохла она

Раньше милочка любила
Теперь бросила меня.

Конечно покинутая своимъ возлюбленнымъ тоскуетъ и не стыдится въ этомъ признаться, но она находитъ въ сознаниі своего достоинства поддержку для перенесенія постигшаго ея удара:

Ты женись, найди другую
Меня онымъ не проймешь
Я одиново поплачу
Ты навѣки пропадешь.

Вотъ частушка наивно и образно описывающая горе дѣвушки, разставшейся съ милымъ:

Какъ съ миленкомъ разставалась
Два дня кубышкомъ каталась
Три дня шарикомъ вилась
Недѣлю хлѣба лишилась.

Горе покинутой дѣвушки можетъ быть такъ сильно, что она подумываетъ и о самоубійствѣ, но въ концѣ концовъ она овладѣваетъ собою, и даже упрекаетъ себя за такое „глупое“ желаніе.

Спасибо милая подружка
Уняла меня тужить;
Я хотѣла глупо сдѣлать
На грудь ручки положить.

Думаю, что эта частушка свидѣтельствуетъ о глубокомъ умѣ нашей деревенской молодежи; эту частушку полезно было-бы заучить и интеллигентной молодежи.

Подойти-то къ рѣчкѣ можно
Утонуть-то каково
Ты подумай, сѣроглазенькій
Тону изъ за кого.

Деревенская дѣвушка настолько умна, что съ насмѣшкой относится къ угрозамъ покончить самоубійствомъ ея неудачнаго поклонника; она убѣждена, что это только пустыя застрасчиванія:

Побѣжишь, милый, топигца
Ты зайди ко мнѣ проститца
Я до рѣчки провожу
Глубже мѣсто укажу.

Частушки еще разъ доказываютъ удивительное богатство нашего языка, въ чемъ конечно проявляется богатство душевной

жизни. Естественно, что любовь наиболѣе способствуетъ творчеству, и потому всегда и всюду языкъ любви относительно очень богатъ. Я насчиталъ 57 названій предмета любви; къ сожалѣнію, нельзя опредѣлить сколько этихъ словъ создано дѣвушкой и сколько парнемъ; многія изъ нихъ созданы молодежью. Вотъ эти слова

Миленькій	Родненькій
Миленочекъ	Желаненькій
Милашка	Ненаглядный
Миленокъ	Душечка
Милушка	Завѣтная
Милая	Пріятка
Милка	Пріяточка
Перемилка	Дружечекъ
Милашечка	Отрада
Хорошій	Забава
Хорошенькій	Забавочка
Расхорошенькій	Забавушка
Дорогой	Игровой
Любой	Игровенькій
Любушка	Сударушка
Сударка	Кровиночка
Краля	Статейка
Золотце	Сухотиночка
Золотинушка	Жадоба
Цвѣтокъ	Жадобиночка
Ягодка	Лебединочка
Ягодиночка	Пай
Земляничка	Паичка
Травиночка	Шарочка
Виноградинка	Шурочка
Картиночка	Фартовая
Карамеличка	Дроля
Дорожиночка	Дролечка
Кривочка.	

Нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ синонимовъ хорошо извѣстны и вполне понятны; нѣкоторые синонимы непонятны въ томъ смыслѣ, что намъ непонятно, почему, какъ, данное слово напримѣръ „кровиночка“ употребляется для обозначенія предмета любви. Я не могъ узнать отъ компетентныхъ лицъ происхожде-

нія и объясненія словъ „дроля“, „дролечка“; думаю, что для большинства образованныхъ людей онѣ совершенно неизвѣстны. Перечитывая вышеприведенныя слова, мы убѣждаемся, что влюбленные называютъ предметъ своей любви самыми разнообразными названіями, приравнивая ихъ къ тому, что, по ихъ мнѣнію, имѣетъ наибольшую цѣнность, наибольшее значеніе. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ не могутъ приобрести всеобщаго распространенія, напр. „виноградника“, потому что для насъ, конечно, виноградника не имѣетъ той цѣнности, какъ для деревенской молодежи. Несомнѣнно, что когда виноградъ будетъ болѣе извѣстенъ въ деревняхъ сѣверной Россіи, никто не будетъ называть „виноградникомъ“ предмета своей любви; будутъ найдены другія названія въ соотвѣтствіи съ новыми условіями жизни.

Я уже указалъ, что частушки, посвященныя любви, создаются только молодежью; необходимо добавить, что онѣ созданы такъ называемой зеленой молодежью. Деревенская молодежь переживаетъ періодъ любви — эту лучшую эпоху въ своей жизни, очепь рано; какъ извѣстно, въ деревнѣ въ бракъ вступаютъ рано, и потому ухаживать, сближаться, влюбляться можно только въ первой молодости. Если дѣвушка выходитъ замужъ восемнадцати лѣтъ и даже ранѣе, то ей нужно воспользоваться своей первой молодостью, чтобы скрасить всю свою жизнь любовью. Если вѣрять частушкамъ, то дѣвушки влюбляются уже съ пятнадцати лѣтъ, чѣмъ, конечно, и объясняется весь характеръ любви:

Со пятнадцати годовъ
Мучитъ проклятая любовь

У меня у дѣвушки
Серце не нывало
Со пятнадцати годовъ
Покоя не бывало

Сокрушилась я, дѣвченка
Съ пятнадцати годовъ

Лѣтъ съ пятнадцати слюбилась
И попалась въ обманъ

Обманулъ меня забавочка
Въ семнадцати лѣтахъ

Едва-ли можно согласиться съ объясненіемъ ранней зрѣлости нашей молодежи, даваемомъ Марро ¹⁾. Этотъ извѣстный ученый думаетъ, что это явленіе зависитъ оттого, что нашъ народъ живетъ въ теплыхъ жилищахъ. Болѣе правдоподобно, что это явленіе зависитъ отъ степени цивилизаціи вообще, отъ всей суммы условій жизни. Какъ нейропатологъ, могу отмѣтить, что нейрастеническія явленія, на половой почвѣ, неизмѣримо чаще наблюдаются у ничемъ не занятыхъ барышень, чѣмъ у курсистокъ; на это явленіе слѣдуетъ обратить вниманіе для правильнаго объясненія вліянія умственнаго труда на половую жизнь.

Деревенская дѣвушка любитъ въ ранней молодости; она искренно убѣждена, что въ этомъ возрастѣ она имѣетъ право увлекаться любовью, такъ какъ скоро выйдетъ замужъ и уже потеряетъ это право; она потомъ будетъ вспоминать объ этой лучшей порѣ въ ея жизни:

Неужели родима матушка

Молода не была?

На гулянья не ходила

И — любви не знала?

Безтолковые родители

За ягодку бранятъ

Будто — сами таки не были

Молоденьки, какъ я.

Эта молодая любовь чиста, и грубый, половой элементъ въ ней не играетъ роли; объ этомъ элементѣ великорусская частушка не упоминаетъ; среди бѣлорусскихъ частушекъ встрѣчаются нецензурныя, но великорусскія деревенскія частушки можетъ читать самая наивная барышня. Едва-ли это можно объяснить тѣмъ, что собиратели частушекъ не записали нецензурныхъ или скабрзныхъ частушекъ. Конечно я знаю, что и въ деревняхъ создаются много крайне нецензурныхъ частушекъ, но онѣ, во первыхъ создаются парнями, во вторыхъ онѣ трактуютъ данную тему совершенно въ другой плоскости. Кто знаетъ нецензурныя частушки, тотъ согласится съ моимъ мнѣніемъ, что нашъ народъ проводитъ рѣзкую грань между любовью и нарушеніемъ седьмой заповѣди, и совершенно различно относится къ обоимъ этимъ явленіямъ. Я не знаю ни одной деревенской частушки, въ

1) Marro. La Puberté. p. 24.

которой нарушение седьмой заповѣди было-бы окружено поэтическимъ ореоломъ, воспѣвалось-бы какъ нѣчто прекрасное и интересное.

Это соображеніе подтверждается и тѣмъ фактомъ, что деревенская частушка не упоминаетъ объ адультерѣ; едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что и въ деревняхъ женщины, вѣроятно очень немногія, нарушаютъ седьмую заповѣдь; также нельзя сомнѣваться въ томъ, что деревенская молодежь знаетъ о такихъ случаяхъ. Но нашъ народъ такъ деликатенъ, такъ чутокъ къ добру и злу, что даже не говорить о томъ, о чемъ по его понятіямъ, не слѣдуетъ говорить. Также не говорить частушка объ ухаживаніи за дѣвушкой или женщиной женатаго муцины; объ этомъ нашъ народъ не считаетъ приличнымъ говорить; ухаживаніе женатаго деревенской дѣвушкѣ представляется настолько зазорнымъ, что не можетъ быть темой даже для частушки. Несомнѣнно, что ухаживаніе за дѣвушкой женатаго такъ противно дѣвушкѣ, такъ противорѣчить глубоко вкоренившимся въ народъ понятіямъ о любви, ея значеніи и цѣли, что о такомъ явленіи не говорятъ. Всѣмъ извѣстно, что нашъ народъ не выноситъ лицемерія, трезво смотритъ на вещи и не закрываетъ глаза на отрицательныя явленія жизни, и потому умолчаніе деревенской частушки объ адультерѣ вовсе не доказываетъ что онъ умышленно, подъ влияніемъ ложной стыдливости, не говорить въ частушкѣ объ адультерѣ. Народъ не хочетъ говорить объ этомъ отрицательномъ явленіи, потому что о томъ, что скрываютъ, о томъ, что дѣлается втихомолку, дѣйствительно ничего интереснаго или поучительнаго сказать нельзя. Въ этомъ отношеніи нашей беллетристикѣ, особенно современной, нужно поучиться у народа; къ сожалѣнію образованные классы далеко отстали отъ народа въ пониманіи добра и зла, и опозтизировали то, о чемъ слѣдуетъ просто молчать.

Объ ухаживаніи женатаго за замужной говорится въ бѣлорусской частушкѣ :

А кумъ кумѣ радъ
 Повеу куму у садъ
 Посадзіу куму
 У зяленомъ саду
 Щипи кума ягодки
 Которы солодки
 А которы горки
 Для мося женки.

Даже такое невинное ухаживаніе вызываетъ насмѣшливое отношеніе у бѣлорусса; великоруссъ даже не удостоиваетъ своимъ вниманіемъ ухаживаніе кума за кумой, и въ этомъ нужно видѣть нравственную чуткость нашего народа. Адультеръ можетъ, по понятіямъ нашего народа, быть темой для нецензурныхъ частушекъ, потому что о немъ ничего другого сказать нельзя. Деревенская женщина знаетъ, что пора любви для нея прошла, знаетъ, что бѣсъ силенъ, и что, поддавшись искушенію, она вызываетъ или молчаливое порицаніе, или насмѣшку въ формѣ нецензурной частушки. Поэтому она снисходительно относится къ любовнымъ увлеченіямъ своихъ дочерей, зная, что только дѣвушка можетъ имѣть милаго: ея сердце свободно. Какъ извѣстно, Татьяна останется навсегда вѣрнѣйшимъ типомъ истинно русской дѣвушки и женщины, еще не испорченной ложной цивилизаціей.

II.

Частушку мы можемъ опредѣлить словами Пушкина:

На всякій звукъ, свой откликъ въ воздухъ пустомъ, родишь ты вдругъ.

Дѣйствительно деревенская молодежь въ частушкахъ высказываетъ свои возрѣнія на весь окружающій міръ, по поводу всѣхъ ея интересующихъ вопросовъ. По частушкамъ мы можемъ узнать, о чемъ думаетъ деревенская молодежь, и какъ думаетъ, знать, что ее волнуетъ, знать различныя ея отношенія къ интересующимъ ея вопросамъ.

Если-бы этнографъ, не имѣя другихъ источниковъ, пожелалъ бы охарактеризовать нашу деревенскую молодежь, онъ нашелъ бы въ частушкахъ достаточно данныхъ не только для пониманія ея духовной жизни, но даже и бытовыхъ условій, въ которыхъ она живетъ, уровня ея цивилизаціи, и даже степени ея матерьяльнаго благосостоянія. По частушкамъ мы можемъ даже сравнивать бытовые условія великоруссовъ и бѣлоруссовъ. Напримѣръ о тяжелой жизни бѣлоруссовъ хорошо свидѣтельствуетъ частушка:

А тамъ, на горѣ
Мужикъ жонкой оре;
А другая подбигая
Запражи-жь ты мѣне.

Среди великорусскихъ частушекъ мы не находимъ ни одной, свидѣтельствующей о такомъ тяжеломъ положеніи народа; оче-

видно тяжкое положеніе, крайняя бѣдность среди бѣлоруссовъ столь обычны, что никого не удивляютъ, никого не возмущаютъ и не огорчаютъ. Частушки свидѣтельствуютъ намъ и о различіи душевнаго склада великоруссовъ и бѣлоруссовъ.

Великорусъ не находитъ нужнымъ въ частушкахъ описывать явленія внѣшняго міра, если онѣ не имѣютъ отношенія къ міру внутреннему; онѣ пользуется описаніями явленій природы лишь для уясненія своихъ переживаній, пользуется ими, какъ образами для сравненія. Бѣлорусъ въ частушкѣ описываетъ внѣшній міръ безъ всякой посторонней цѣли. Напримѣръ въ великорусскихъ частушкахъ мы не находимъ сходной со слѣдующей бѣлорусской частушкой, а такихъ можно отмѣтить не мало:

А у поли кустъ калины
 Ли калины — кустъ малины
 На калины соловейка пяецъ
 Горку ягодку — калинку клюецъ
 Клюецъ, клюецъ, да поклевываецъ
 А малинкой закусывайць.

Также характерно для бѣлорусской частушки упоминаніе о томъ, что совершенно неизвѣстно народу; въ великорусскихъ частушкахъ, въ отличіе отъ бѣлорусской, мы находимъ послѣдовательный реализмъ; напр. въ Дриссенскомъ уѣздѣ записана частушка, начало которой вызываетъ лишь удивленіе:

Я на мори родзилася
 На Дунаи росла

То-же самое находимъ въ частушкѣ, записанной въ Вилейскомъ уѣздѣ:

Я бо на мори родзилася
 На Дунаи росла.

Еще болѣе дана воля фантазиі въ частушкѣ, записанной въ томъ-же уѣздѣ:

Я и у мори купалася
 У криницу попалася
 Хуць по шію ў воду ўлѣзу
 Охвицеру у морду зѣвжжу
 Хуць по вуши у воду
 За хвицера ни пойду.

Великорусская частушка поражаетъ не только своимъ яркимъ реализмомъ, но и трезвостью мысли, практичностью воз-

зрѣній, въ ней изложенныхъ. Можно лишь удивляться, съ какой послѣдовательностью деревенская дѣвушка, не смотря на свою крайнюю молодость, и малое знаніе жизни, цѣнить въ своемъ поклонникѣ, возлюбленномъ и женихѣ, умъ; именно умъ составляетъ *conditio sine qua non* успѣха парня; конечно красивая наружность плѣняетъ дѣвушку; богатство способствуетъ успѣху, но красивый и богатый дуракъ просто невозможенъ ни въ качествѣ поклонника, ни въ качествѣ жениха. Это поклоненіе уму и пониманіе всего ужаса глупости высказывается во многихъ частушкахъ:

Думала : съ умненькимъ гуляю
Разглядѣла съ дуракомъ.

Деревенская дѣвушка умѣетъ оцѣнить глупаго парня, хотя бы и съ лоскомъ столичнаго франта; она быстро опредѣляетъ глупость за внѣшнимъ покровомъ столичнаго просвѣщенія;

Пусть хоть ты и питерякъ
Но скажу, что ты дуракъ.

Ухаживаніе дурака просто неприятно деревенской дѣвушкѣ:

Расхорошая дѣвица
Позвольте проводить.
Я съ такими дураками
Не желаю говорить.

Для дѣвушки вполне понятно, что выходить замужъ за дурака не слѣдуетъ, что прожить жизнь съ дуракомъ очень тяжело:

Не пойду за Ваньку замужъ
За такого дурака.

Не ходи за дурака
Съ нимъ одна забавушка.

Тятенька, жени меня
Пока не знаютъ дурака
Какъ разужаютъ дурака
Не пойдетъ замужъ никака.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эта злая частушка создана дѣвушкой, а не парнемъ. Насколько презирается глупость, настолько цѣнится умъ:

Не бойтесь хитрыхъ
Бойтесь дураковъ.

Деревенская дѣвушка понимаетъ высшую цѣнность душевныхъ качествъ, признаетъ за ними право на поклоненіе; она и

въ себѣ цѣнить умъ и хорошій характеръ выше богатства и красоты :

Ничего, что бѣдная
Изъ бесѣды первая.
Погоуляй, милый, въ разлукѣ
Поищи лучше меня
Красотой лучше найдешь
Характеромъ не подберешь.

Трезвый умъ деревенской дѣвушки проявляется въ ея практической смѣтлѣ, въ ясномъ пониманіи жизни, своей судьбы :

Не о всякомъ горѣ плакать
Не о всякомъ и тужить
Хотя замужемъ и худо
Да и въ дѣвкахъ худо жить.

Эта трезвость ума, правильное пониманіе жизни даетъ силу русской крестьянкѣ мужественно переносить ея тяжелую жизнь, мириться, какъ съ неизбежными, съ жизненными невзгодами. Деревенская дѣвушка уже въ ранней молодости внимательно присматривается къ жизни, трезво смотритъ на свою судьбу, и потому вѣрно и мѣтко формулируетъ въ частушкахъ свою житейскую мудрость; едва-ли можно лучше опредѣлить жизнь деревенской женщины :

По охотѣ выйдешь замужъ
По неволѣ будешь жить.

Какъ ни тяжела жизнь деревенской дѣвушки въ родительскомъ домѣ, а потомъ въ домѣ мужа, все-же эта жизнь неизмѣримо лучше жизни дѣвушки, принужденной искать хлѣба въ чужомъ домѣ :

Та не знала горя дѣвушка
Коя въ людяхъ не жила.

Понятно, что при такомъ трезвомъ взглядѣ на жизнь, деревенская дѣвушка, даже увлеченная любовью, не забываетъ о разумномъ устройствѣ своей жизни, понимаетъ, что въ предстоящей ей семейной жизни, даже съ избранникомъ ея сердца, необходимы ея работоспособность, подготовленность къ трудовой жизни, и хотя небольшой недостатокъ, что нельзя вступать въ бракъ, не умѣя работать, ничего не имѣя :

Ты бери, забава, замужъ
Я умѣю работать

Жать, косить, коровъ доить
На обѣ руки молотить.

Погоди милый жениться
У тебя изба валится
Сперва избу станови
Потомъ и дѣвку приводи.

Едва-ли можно сомнѣваться въ великомъ будущемъ народа, который смолоду такъ уважаетъ трудъ, который такъ отчетливо понимаетъ, что мѣръ не храмъ, а мастерская.

Серьезное, трезвое отношеніе даетъ деревенской дѣвушкѣ нравственную самостоятельность; она довѣряетъ собственному сужденію, стремится быть независимой въ своей интимной жизни, не боится общественнаго мнѣнія, ясно понимая его неустойчивость:

Вѣтерочки на кусточки
Всѣ листочки разнесли
На меня худая слава
Точно вѣтромъ разнесла.

Понимая неизбежность пересудовъ, уподобляя ихъ стоящимъ внѣ нашей власти явленіямъ природы, деревенская дѣвушка гордится своею добродѣтелью, вѣрить въ ея силу:

Пускай говорятъ
Славушку проносятъ
Знаю, что неправда
Поговорятъ, да бросятъ.

Пропускай подружка, славу
Этой славы не боюсь
Этой славы не боюсь
Когда сама не промахнусь.

Сатирическіе и юмористическіе частушки свидѣтельствуютъ, что народъ отрицательно относится, смѣется надъ претензіей казаться богатымъ, смѣется не надъ бѣдностью — нашъ народъ такъ деликатенъ, что не можетъ смѣяться надъ бѣдностью, а надъ показнымъ богатствомъ, отвѣчаетъ насмѣшкой на хвастовство богатствомъ:

Ты, миленокъ не форси
У тя фальшивые часы
Какъ не гляжь, не погляжь
Завсегда девятый часъ

Не форси цвѣточекъ алый
 Не богатѣ ты насъ
 Я ишла мимо окошка
 Вы хлѣбали съ лукомъ квасъ.

Съ злой насмѣшкой деревенская молодежь относится къ лѣности и кокетству :

Какъ семеновски дѣвченки
 Не умѣють работать
 Только знаютъ одно дѣло
 Свои рожки намывать.

Юмористическія частушки не лишены остроумія :

Какъ чалагинскихъ ребятъ
 На портретахъ срисовать
 Ни черниломъ, ни перомъ
 Изъ лоханки помеломъ

Нюра, Нюра, Нюрочка
 Ты, что сдобна булочка
 Поцѣлуйчикъ твой отвѣдать
 Такъ недѣлю не обѣдать.

Едва-ли не лучшей юмористической частушкой слѣдуетъ считать слѣдующую :

Я стояла у омета
 А сложили — про Федота
 Я стояла — горевала
 А сказали — цѣловала
 Я стояла опершись
 А сказала — обнявшись.

Ту-же тему излагаетъ бѣлорусская частушка такъ :

Я стояла — распоцѣла
 Сюлюбить яго хоцѣла
 Я стояла рядомъ зъ братомъ
 А сказали што зъ солдатомъ
 Я стояла руки узняуши
 А сказали, што обняуши.

Какъ примѣръ весьма старой частушки, сохранившейся и теперь, слѣдуетъ, считать слѣдующую :

Кумъ-то шелъ стороной
 Кума улицей
 Кумъ пѣлъ пѣтухомъ
 Кума курицей

О пьянствѣ сложено много частушекъ, въ которыхъ ясно формулировано рѣзко отрицательное къ нему отношеніе; частушка ярко изображаетъ безобразіе пьянства, его вліяніе на всю судьбу человѣка, его значеніе въ жизни семьи:

Ужъ какъ наши то ребята
 Любятъ водку выпивать
 Попадетъ бутылка съ водкой
 Рады съ горломъ оторвать

Стаканчики да рюмочки
 Доведутъ до сумочки

Кабы былъ хорошій (шенькій)
 Казался-бы вѣкъ коротенькій
 Пьяница навязетца
 Дологъ вѣкъ покажетца.

Служба въ арміи, горе разлуки съ милой и близкими, составляетъ тему многихъ частушекъ; не мало частушекъ на эту тему созданы дѣвушкой, расстающейся съ своимъ милымъ. Но среди частушекъ, излагающихъ горе, причиняемое наборомъ, встрѣчаются частушки, свидѣтельствующіе о томъ, что народъ примиряется съ воинской повинностью, понимаетъ, что служба въ арміи почетна и не тяжела, понимаетъ, что къ отбыванію воинской повинности привлекается лучшая часть населенія:

Какъ во людяхъ-то ребята
 Остаются на всегда
 На одинъ я годъ остался
 Закорили всѣ меня
 Будто царска негодъ я.

Туже мысль высказываетъ и бѣлорусская дѣвушка:

Уси молодцы красивы
 Да и пошли Царю служить
 Уси оборishi паршивы
 Остались насъ смѣшить.

Частушка свидѣтельствуеъ, что деревенскій парень уже знаетъ насколько не тяжела теперь солдатская служба, и потому не боится воинской повинности:

Хорошо въ солдатахъ жить
Хорошо Царю служить
Кабы любушку съ собой
Такъ не подумаль-бы домой.

Также деревенскій парень знаетъ, что военная служба открываетъ дорогу для человѣка учившагося, что на военной службѣ можно сдѣлать блестящую карьеру, такъ какъ именно въ арміи очень цѣнятся образованіе:

Ты не плачь моя милая
Я циперь не припаду
Много грамоци научіуся
У охвицеры выпаду.

Деревенская дѣвушка примиряется съ воинской повинностью въ виду ея непродолжительности, и обнаруживаетъ большую гражданскую зрѣлость: она не только понимаетъ необходимость службы въ арміи, но и знаетъ, въ чемъ состоитъ главная обязанность солдата; она даже проситъ своего милаго не забывать долга службы настолько-же, какъ и ее самую:

Иди забавочка въ солдаты
Я объ этомъ не тужу
Ты служи четыре года
Хоть и восемь — подожду

Служи забавочка въ солдатахъ
Служи не унывай
Служи начальникамъ вѣрнѣ
И меня не забывай.

Вообще солдатская служба не пугаетъ народъ, такъ какъ народъ убѣдился, что казарма не прерываетъ связи солдата съ деревней, что солдаты за время отбыванія воинской повинности содержатся хорошо, и потому развиваются какъ духовно, такъ и физически:

Забава снялся, срисовался
Портретъ дѣвочкѣ прислалъ
Посмотри моя бѣляночка
Какимъ въ солдатахъ сталъ.

Изъ солдатъ милый пришелъ
 Такой бравый, бѣленькій
 Здравстуй, бѣляночка моя
 Теперь узнала-ли меня.

Частушка крайне отзывчива на всѣ явленія жизни, и даже разныя теченія политической мысли нашли себѣ выраженіе въ этой излюбленной, въ наше время, формѣ народнаго творчества. Извѣстно, какъ трудно, или лучше сказать невозможно, знать политическія воззрѣнія деревни; всѣ политическія партіи увѣряютъ, что именно ихъ воззрѣнія исповѣдуются народомъ; событія рѣдко подтверждаютъ увѣренія даже опытныхъ государственныхъ людей, и оказывается, что народъ мыслить иначе, чѣмъ въ томъ были увѣрены лица, считающіе себя знатоками народа. Насколько можно судить по частушкамъ, народъ мало интересуется политической и относится скептически къ лѣвымъ:

Напишу Царю прошеніе
 Я на гербовомъ листу
 Чтобы вышло разрѣшеніе
 Сватать дѣвокъ во посту

Пьемъ мы водку, пьемъ мы ромъ
 Идѣмъ мы дзенюшки бярѣмъ
 Наши дзенги бѣлыя
 Государь намъ дѣлая.

Въ Петроградской Губерніи записана частушка, свидѣтельствующая объ успѣхѣ антиправительственной пропаганды; вліяніе большаго города объясняетъ это явленіе:

По дорожкѣ шла
 Прокламацію нашла
 Не пилося, не ѣлось
 Прочитать хотѣлось.

Увлеченіе политикой, однако, не пользуется всеобщимъ одобреніемъ, и даже вызываетъ порицаніе:

Какъ тверскія модницы
 Сидятъ съ газетамъ въ горницѣ
 По дню хлѣба не ѣдятъ
 За политикой слѣдятъ.

Частушка даетъ намъ свѣденія, конечно, неполныя, какъ народъ смотритъ на Государственную Думу, и на главныя поли-

тическія партіи. Собираніе частушекъ только началось, и потому дѣлать какіе либо выводы преждевременно, но едва-ли можно сомнѣваться, что чѣмъ болѣе будетъ собрано частушекъ, тѣмъ лучше мы будемъ знать, что думаетъ деревенская молодежь о текущихъ политическихъ событіяхъ:

Всѣ ребята демократы
 Мой миленокъ депутатъ
 Всѣ ребята на бесѣдѣ
 Моему нельзя никакъ
 Онъ во думушкѣ сидитъ
 Умны рѣчи говорить.

Восторженное состояніе авторши этой частушки объясняетъ неправдоподобность, допущенную въ этой частушкѣ: молодые парни, ухаживающіе за деревенскими дѣвушками не избираются, по возрастному цензу, въ депутаты. Болѣе просто смотреть на званіе депутата деревенскій парень; онъ и не скрываетъ, чего онъ собственно хочетъ, въ чемъ состоитъ прелесть званія депутата:

Погодикоте ребята
 Попаду какъ въ депутаты
 Депутату-то почетъ
 Съ министромъ рѣчь ведетъ.

Свое разочарованіе въ депутатахъ первыхъ созывовъ народъ высказалъ довольно ясно:

Депутатъ у насъ хорошъ
 Только толку ни на грошъ
 Засѣдаетъ третій годъ
 Только дѣло плохо претъ.

Вотъ частушки, характеризующія взглядъ деревенской молодежи на политическія партіи:

Не ходите вы, дѣвченки
 Съ Октябристами гулять
 Октябристамъ даже власти
 Разрѣшили цѣловать

Деревенскіе ребята
 Настоящи демократы
 Изъ за сотки раздерутся
 Расцарапаются въ кровь.

Законъ 9 Ноября затрагиваетъ самые жизненные, самые важные интересы, измѣняетъ самые основы крестьянской жизни, и потому народъ тотчасъ-же высказалъ свой взглядъ на этотъ законъ; естественно, что онъ нашелъ горячее одобреніе у однихъ, и рѣзкое порицаніе у другихъ. Теперь мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы судить — большинство или меньшинство молодежи одобряетъ этотъ законъ; также нельзя сдѣлать какого либо вывода на основаніи собранныхъ пока частушекъ:

Какъ девято Ноября
Милость вышла отъ Царя
Заложить можно, продать
Иль въ долгосрочную отдать

Мы на хуторѣ живемъ
Хлѣбець собственный жуемъ
Вы въ деревнѣ маетесь
Выпивать стараетесь.

Столь же категорично высказывается и отрицательное отношеніе къ закону 9 Ноября; деревенская молодежь понимаетъ, что этотъ законъ разрушаетъ сложившійся вѣками строй жизни, идетъ въ разрѣзъ съ вѣками усвоенными воззрѣніями; не менѣе ясно молодежь понимаетъ тѣ опасности ея будущему, которыми чревать этотъ законъ:

Эхъ, какое стало время
Эхъ, какія времена
Вѣковая-то кормилица
На хутора подѣлена

Я отца разувѣрялъ
Чтобъ надѣлъ не закрѣплялъ
Не послушалъ — укрѣпилъ
Черезъ годъ, гляжу, пропилъ.

Въ высшей степени важно собраніе частушекъ для пониманія современныхъ деревенскихъ настроеній; только въ частушкахъ мы можемъ, хотя отчасти, узнать, что думаетъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, деревенская молодежь о злобахъ дня. Искренность, непосредственность частушекъ не подлежатъ сомнѣнію; въ частушкахъ народъ охотно высказываетъ свои мысли, именно потому что мысли не стѣснены формой, легко выливаются въ ча-

штушку. Конечно очень важно установить распространение и живучесть каждой частушки, потому что особенную цѣнность для пониманія духовной жизни народа имѣютъ только распространенныя, полюбившіяся многимъ, частушки. Громадное значеніе для пониманія нашего народа частушки имѣютъ потому, что между нашимъ народомъ и нашей интеллегенціей уже давно встала непроницаемая стѣна, взаимное пониманіе рѣшительно, по крайней мѣрѣ, пока, невозможно. Наша интеллегенція порвала всякую связь съ народомъ, и самыя настойчивыя попытки нѣкоторыхъ народолюбцевъ и вліять на народъ и изучать его, при непосредственномъ съ нимъ общеніи, какъ извѣстно, кончались всегда неудачами. Народъ живетъ своей непонятной для насъ жизнью; онъ упорно сторонится отъ интеллегенціи; онъ ея не знаетъ и не хочетъ знать. Въ нашемъ народѣ настолько сильно развито чувство собственного достоинства, что онъ даже не желаетъ подражать, не желаетъ чего-либо перенимать у „господъ“; деревня просто игнорируетъ господъ, живетъ собственной жизнью. Деревенская частушка не только констатируетъ это весьма печальное, какъ я думаю, для нашей интеллегенціи, явленіе, но даже до извѣстной степени его и объясняетъ:

Гимназисты якъ хвористы

На вси выдумки готовы

А якъ спросить объ уроки

Дакъ стояць, быць болваны

Народъ не можетъ относиться съ довѣріемъ къ интеллегенціи, потому что онъ больше всего, выше всего, цѣнитъ трудъ; народъ не уважаетъ того, кто не работаетъ и не завидуетъ ему; по крайней мѣрѣ въ частушкахъ не высказывается ни малѣйшей зависти къ богатымъ, къ тѣмъ, кто не работаетъ. Едва-ли теперь у насъ возможна, по крайней мѣрѣ, въ деревнѣ, классовая ненависть и борьба: нашъ народъ очень благороденъ и цѣнитъ трудъ. Такъ какъ нашъ народъ не видитъ и не знаетъ работающей, трудовой интеллегенціи, онъ и не можетъ уважать интеллегенцію; даже народный учитель не оцѣненъ народомъ:

Милые родители

Отдайте за учителя

Онъ будетъ книжечки читать

А я слушать, да лежать.

Эта частушка, ярко характеризующая отношеніе деревенской

молодежи, къ народному учителю создана поколѣніемъ, посѣщавшимъ школу, одѣвившемъ пользу грамотности :

Слава Богу научилась
Письма милому писать
Напишу дружкѣ записочку
Никто не будетъ знать.

Цвѣтокъ, вашу-то записочку
Въ карманѣ проношу
Соскучаю — прочитаю
Точно съ нимъ поговорю.

Также деревенская молодежь опѣнила пользу фотографіи :

Снимись, забавочка, на карточкѣ
Пришли мнѣ на показъ
Скучно дѣвушка мнѣ станетъ
Погляжу кажинный радъ.

Вполнѣ понятно отрицательное отношеніе деревенской дѣвушки къ желѣзнымъ дорогамъ :

Какъ для дѣвушекъ машина
Первая досадница
Увезетъ милова въ Питерь
Нѣту и свиданьяца.

Едва-ли можно упрекнуть деревенскую молодежь за то, что во всей цивилизаціи ее больше всего интересуютъ моды, что только эта сторона цивилизаціи широко захватываетъ деревню; частушка вполнѣ откровенно и правдиво объясняетъ интересъ молодежи къ туалету :

Купилъ тятенька калоши
Два полушалочка хороши
На грудиношку часы
Прибавилъ дѣвушка красы.

По частушкамъ мы узнаемъ, какіе туалеты нравятся нашей деревенской молодежи, во что желаютъ одѣваться дѣвушки и парни. Частушка настолько подробно и правдиво изображаетъ жизнь современной деревни, что можно перечислить принадлежности туалета, какъ дѣвушекъ, такъ и парней, при чемъ вполнѣ понятно, что принадлежностей туалета дѣвушки упоминается гораздо больше чѣмъ парня, именно :

Шляпочка	Машинное шитье
Черепашова гребенка	На подолѣ бѣлый пухъ
Голубой платокъ	Голубой сатинетъ
Шаль	Полосатые чулки
Полушалокъ	Туфли
Новенькій корсетъ	Ботинки
Кофточка бордовая	Бархатна ротонда
Кофточка люстриновая	Ротонда безрукавна
Кофточка красенькая	Въ талию пальто
Блуза бумазейная	Дипломатъ (тепломатъ)
Шелковый поясъ	Голубой казакъ
Юбочка съ оборкой	Казакъ 8 пуговицъ назадъ
Сарафанъ съ оборкой	Сачекъ
Двѣ оборки да бѣя	Зонтинь голубой пуговка въ
Капотъ	середкѣ.

Франтъ не столь прихотливъ, какъ франтиха; его желанія ограничиваются меньшимъ числомъ предметовъ.

Сѣрая кепочка	Троечка трековая
Каленкорова рубашка вы-	Полосаты брючки
шитая гладью	Высокіе каблуки
Манишка	Лакированный сапогъ
Рубашка белрентиновая	Часы
Жикетка	Свѣтлая цѣпочка
Голубой пиджакъ	Трость.
Сюртукъ	

Какъ франтихи, такъ и франты очень цѣнятъ калоши; я насчиталъ упоминаніе о калошахъ болѣе чѣмъ въ тридцати частушкахъ; кто наблюдалъ деревенскую молодежь лѣтомъ въ праздники, тотъ знаетъ, что гулять въ калошахъ считается щегольствомъ.

Чтобы закончить характеристику частушекъ, необходимо упомянуть о дурныхъ, не дѣлающихъ чести молодежи, частушкахъ. Частушки, какъ правдивое отраженіе жизни народа, изображаютъ и отрицательныя явленія въ его жизни. Непензурныя частушки не могутъ быть объектомъ изученія, да онѣ и не могутъ давать матерьялъ для характеристики народа, потому что сквернословіе есть порокъ, свойственный всѣмъ классамъ общества. Къ сожалѣнію *nostalgie de la boue* присуще почти всѣмъ, и на примѣръ самое грязное изъ извѣстныхъ мнѣ стихотвореній принадлежитъ одному нашему извѣстному идеалисту. Самыми дурными частуш-

ками слѣдуетъ считать созданныя хулиганами, выражающія прирѣніе къ уголовному возмездію и восхваленіе преступленія:

Не испугаемся мы
Бѣлокаменной тюрьмы
Тамъ не жать, не молотить
А на лавочкѣ сидѣть
Да въ окошечко глядѣть.

Мы Сибири не боимся
Изъ Сибири убѣжимъ
Купимъ ножики подольше
Всѣхъ людей пересвѣжимъ.

Какъ бывшій тюремный врачъ, могу засвидѣтельствовать, что эти частушки совершенно точно формулируютъ взгляды большинства арестантовъ и на тюрьму и на каторгу; тюрьма ихъ ничуть не устрашаетъ, и всѣ они увѣрены, что изъ каторги убѣжать не трудно.

Также только отрицательное отношеніе должны вызывать частушки, лишенныя смысла, съ попытками на неудачное остроуміе; ихъ, къ сожалѣнію не мало; конечно вполнѣ естественно, что между сочинительницами частушекъ не мало неудачницъ, не способныхъ сказать чего либо интереснаго. Нехорошо то, что эти нелѣпыя частушки получаютъ распространеніе, значить, нравятся. Я не берусь классифицировать эти безсмысленныя частушки, и для примѣра приведу три, насколько могу судить, вполнѣ разнородныя:

Хороши носовики
Плохо прострочены
У милаго у тальяночки
Ножики золоченныя.

На нашей рѣчкѣ горитъ свѣчка
Я пойду и потушу
Со своимъ гулять не буду
И чужова сокрушу

Милочки фатовыя
Сердетца которыя

Сердетца, бухарятца

На конфетки зарятца.

Конечно такія жалкія частушки нельзя объяснять вырожденіемъ, считать чѣмъ то патологическимъ; такое объясненіе было бы еще большей натяжкой, чѣмъ попытка объяснять декадентство, символизмъ, импрессионализмъ, кубизмъ и т. п. направленія вырожденіемъ. Я позволяю себѣ думать, что всѣ эти явленія обусловлены „празднословіемъ“, которое такъ присуще людямъ, что въ одной изъ прекрасныхъ нашихъ молитвъ, мы просимъ освободиться отъ этого порока хотя-бы въ теченіи великаго поста¹⁾. Отцы Церкви хорошо знали человѣческую душу, знали слабости наши, знали какъ трудно съ ними бороться; „духъ праздности“ такъ силенъ, такъ властенъ, что навсегда или по крайней мѣрѣ, надолго, мы не можемъ отъ него освободиться, и потому насъ научили молиться лишь о томъ, чтобы хотя въ дни покаянія мы не празднословили. Нѣтъ ничего удивительно, что среди изнывающей отъ праздности интеллигенціи находятся люди, занимающіеся празднословіемъ, хотя бы вмѣсто звуковыхъ образовъ, зрительными, а еще больше людей, которымъ нравится это празднословіе. Нѣкорую роль играетъ оригинальничаніе, мода, и наконецъ тщеславіе и корыстолюбіе празднослововъ, отсутствіе самостоятельности и цѣнителей этихъ направленій въ искусствѣ. Поэтому можно не удивляться и не огорчаться тому, что праздные, мало учившіеся интеллигенты тратятъ на пустяки время, котораго у нихъ такъ много. Жаль, что нашъ трудящійся народъ, хотя и мало, занимается празднословіемъ; въ длинные осенніе и зимніе вечера молодежь, не имѣя, по недостатку образованія, темъ и мотивовъ для творчества, или, по крайней мѣрѣ, для сочинительства, празднословить, т. е. создаетъ и повторяетъ безсмысленныя частушки. Однако порицать за это деревенскую молодежь мы не имѣемъ права, потому что не она виновата въ томъ, что наука и искусство, какъ то свидѣлствуетъ частушка, совершенно неизвѣстны нашей деревенской молодежѣ. Частушки съ полной очевидностью убѣждаютъ насъ въ этомъ печальномъ фактѣ. Интеллигенція, живущая на счетъ народа, пока ничего не дала народу, который знаетъ, что она мало работаетъ (не знаетъ уроковъ) и ограничивается чтеніемъ „книжечекъ“; издатели хорошо знаютъ, что именно наша интеллигенція больше читаетъ „книжечки“, чѣмъ

1) Они не виноваты, что ихъ языкъ „празднословный и лукавый“.

книги. Народъ ничего не получаетъ отъ интеллегенціи; наука и искусство не проникли въ народъ, не существуютъ для народа, и даже молодая деревня, при всей ея воспримчивости, не подозреваетъ о существованіи науки и искусства.

Мартъ. 1914 г.

53.

